

Bondarko, Aleksandr Vladimirovič

**Аспектуальность как один из элементов структуры предложения :
(на материале русского языка в сопоставлении с чешским)**

In: *Otázky slovanské syntaxe. II, Sborník symposia "Strukturní typy slovanské věty a jejich vývoj"*, Brno 20.-22.10.1966. Bauer, Jaroslav (editor).
Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1968, pp. 263-268

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120077>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(На материале русского языка в сопоставлении с чешским)*

Изучение роли „видо-временных отношений“ в структуре предложения целесообразно связать с теорией понятийных категорий. Разработка этой теории связана прежде всего с именем акад. И. И. Мещанинова. Понятийная категория (самый термин не вполне удачен, поскольку он как будто указывает лишь на сферу мышления; добавочно предлагаю „функционально-семантическая категория“) выражается различными по своему уровню языковыми средствами: морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими. Содержание понятийной категории имеет определенную структуру, которую можно трактовать как функционально-семантическое поле, создаваемое взаимодействующими и в какой-то области пересекающимися „микрополями“ (частными понятийными категориями в пределах общей). Различные понятийные категории также могут взаимодействовать, образуя группировки, в которых поля разных категорий частично накладываются друг на друга (мысль о „полевой структуре“ грамматических явлений и „функционально-семантическом поле“, „общем поле“ уже высказывалась в научной литературе, ср., например, работы В. Г. Адмони, А. А. Хадеевой-Быковой, Г. С. Шура).

Понятийная категория в данном языке может опираться (но не должна обязательно) на категорию грамматическую, которая представляет собой как бы грамматическое ядро понятийной категории. Дифференциальные семантические признаки, характеризующие это ядро, могут передаваться в различных вариантах и конкретизироваться средствами „периферии“, но здесь проявляются и новые признаки, дополняющие семантические возможности ядра.

Понятийная категория проявляет себя в процессе взаимодействия средств ее выражения. Обусловленное самой структурой языка, связью и взаимопроникновением его уровней, это взаимодействие в полной мере раскрывается и актуализируется в речи, в конкретном высказывании.

В учении о русском глаголе с теорией понятийных категорий связана выдвинутая акад. В. В. Виноградовым концепция модальности как категории, имеющей синтаксическое, морфологическое и лексическое выражение. Мы пытаемся распространить принцип соотношения глагольного наклонения и модальности на другие грамматические категории русского глагола. В этой связи рассматривается соотношение глагольного времени и „темпоральности“, глагольного вида и „аспектуальности“, лица глагола

* A. V. Bondarko zaslal referát předem, ale symposia se nemohl zúčastnit. (Pozn. red.)

и „персональности“, залога и „залоговости“ (предлагаемые термины построены по образцу „модальность“).

„Темпоральность“ — это понятийная категория, охватывающая различные языковые средства выражения времени. В русском языке эта категория, помимо системы временных форм глагола, выражается такими средствами, как лексические показатели времени (давно, завтра и т. п.), синтаксическая структура некоторых типов односоставных предложений, формы косвенных наклонений и инфинитива в сочетании с другими элементами контекста (подробнее см.: ВЯ, 1965, № 6).

„Персональностью“ можно назвать категорию, опирающуюся на два морфологических ядра — глагольные и местоименные формы лица. К „периферии“ этой категории относятся синтаксические, лексические и контекстуальные средства выражения семантики лица, не представляющие собой системы грамматических форм.

Большой самостоятельной проблемой является соотношение залога и „залоговости“. Трудность решения проблемы залога в русском и других славянских языках заключается в том, что в данном случае четко не определилось грамматическое ядро понятийной категории. Не сложилась однородная система грамматических форм с ясными формальными показателями. Грамматические элементы категории, характеризующей глагольное действие в его отношении к субъекту (действительные и страдательные причастия, пассивные и активные конструкции), тесно срослись с определенными слоями словообразовательной и лексико-синтаксической периферии залоговости (возвратные глаголы, переходность // непереходность).

Все указанные выше категории имеют синтаксическую сторону, синтаксическую функцию, выступая в качестве элемента структуры предложения, но нужно подчеркнуть, что они отнюдь не сводятся к этой синтаксической стороне и функции. Так, понятийные категории темпоральности, модальности и персональности в нашем понимании не совпадают по своему объему и функциям с теми синтаксическими категориями времени, модальности и лица, о которых говорится в академической Грамматике русского языка.

Остановимся более подробно на категории аспектуальности. Этим термином мы называем понятийную категорию, охватывающую различные средства выражения характера протекания действий. В славянских языках эта категория охватывает прежде всего глагольный вид (морфологическое ядро аспектуальности) и способы действия. Непосредственно к грамматическому ядру аспектуальности примыкает лексико-грамматическая категория предельности-непредельности. Следует подчеркнуть, что понятие аспектуальности предполагает четкое различие вида как грамматической категории и способов действия — семантических, отчасти словообразовательных группировок глаголов. Именно противопоставление этих категорий позволяет выявить их связь и взаимодействие. Такое взаимодействие осуществляется как в плане видообразования, так и в процессе функционирования глагольных форм (см. об этом в работах А. Достала, Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко, Фр. Копечного, И. Польдауфа).

Помимо глагольного вида и способов действия, элементами аспектуальности являются неглагольные лексические показатели характера действия (его длительности, непрерывности, мгновенности, интенсивности и т. д.), а также синтаксические средства предложения и сложного синтаксического

целого, участвующие в характеристике протекания действий. Имеются в виду такие элементы структуры предложения, как средства связи простого и сложного предложения, соотношение и расположение частей последнего, порядок слов. Эти элементы не представляют собой специальной системы синтаксических средств, служащих для характеристики протекания действий (если бы в действительности существовала такая система, то ее следовало бы отнести к грамматическому ядру аспектуальности). Речь идет об элементах структуры предложения, имеющих свои чисто синтаксические функции, но помимо этого могущих выполнять функцию одного из средств выражения аспектуальности. Эта аспектуальная функция может иметь первостепенное значение и с чисто синтаксической точки зрения (ср., например, средства связи сложноподчиненного предложения с придаточным времени), но во всех случаях мы имеем дело с синтаксическими средствами, направленными на построение структуры предложения, а не на выражение определенной понятийной категории.

Рассмотрим пример взаимодействия различных элементов аспектуальности в контексте: „Вспоминали, вспоминали, так и не вспомнили“ (Семин). Формы *нс/в* здесь обозначают действие, не достигающее своей цели. В выражении конативного значения участвует общерезультативный способ действия: обозначается направленность на достижение результата. Интенсивность попыток достижения результата подчеркивается повторением глагола. Для выражения конативного значения важно сочетание *нс/в* с последующим указанием на безуспешность действия: „так и не вспомнили“. В выражении противопоставления „попытка — ее безуспешность“ существенно не только сочетание форм противоположных видов, но и участие других элементов структуры предложения („так и не“). В передаче указанного противопоставления играет роль и интонация. При таком взаимодействии различных средств выражения аспектуальности не происходит смешения и нивелировки значений. Каждый из компонентов сохраняет свою специфику. Возникающий семантический комплекс можно сравнить с аккордом, в котором целостное звучание не заглушает каждого отдельного тона.

Изучая аспектуальность в ее отношении к синтаксису, мы стремимся, с одной стороны, учесть достижения синтаксистов в исследовании видо-временных отношений как части структуры предложения, а с другой — достижения аспектологов в исследовании функционирования видов (важное значение имеют, в частности, „ситуационные типы“ Э. Кошмидера). Мы пытаемся связать, скрестить аспектологическое и синтаксическое направления исследования, до сих пор развивающиеся параллельно и независимо друг от друга.

В синтаксических исследованиях, имеющих отношение к нашей теме, в основу классификации материала кладется структура предложения. Такой подход закономерен при изучении отдельных типов предложений, но при более общей постановке вопроса этот подход необходимо дополнить другим принципом описания материала. В основу классификации языковых фактов (первой ступени этой классификации) мы кладем семантику того или иного „типа аспектуального контекста“ в рамках определенного временного плана. Дальнейшие ступени классификации учитывают различные типы сочетаемости видовых форм в связи с синтаксическими и „строевыми“

лексическими элементами контекста. Один и тот же тип аспектуального контекста может объединять в качестве вариантов различные синтаксические конструкции. Это дает возможность сопоставить с функциональной точки зрения те синтаксические конструкции, которые по своей структуре очень далеки друг от друга и поэтому обычно не сопоставляются. Ср., например, такие разновидности типа аспектуального контекста „предшествование — следование“: „когда С — С“ (С — форма прошедшего совершенного) и „С — и (тогда) С“

На основании исследования материала современного русского литературного языка выделяются (в рамках изъявительного наклонения) следующие основные типы аспектуального контекста: „цель“ — ряд сменяющих друг друга действий, выраженных в обычных условиях (т. е. за исключением особых случаев нейтрализации видового противопоставления) формами с/в, „длительный ряд“ (ряд одновременных действий, выраженных формами нс/в), „пучок фактов“ (ряд выраженных формами с/в действий, последовательность которых несущественна), „пучок состояний“ (при сочетании ряда форм с/в с перфектным значением), „предшествование — следование“, „следование — предшествование“, „длительность — одновременная ей длительность“, „длительность — последующая длительность“, „длительность — наступление факта“, „наступление факта — длительность“, кратко-соотносительные типы — кратко-парный и кратко-цепной (термины Ю. С. Маслова), „отдельный факт“, „длительность“, сложные сочетания отмеченных выше типов контекста.

Рассмотрим в качестве примера типы контекста „длительность — наступление факта“ и „наступление факта — длительность“ в плане прошедшего времени единичного (неповторяющегося) действия (нам придется ограничиться лишь перечнем разновидностей этих типов).

Тип аспектуального контекста „длительность — наступление факта“ объединяет ряд разновидностей.

1. „Длительность — неожиданное наступление факта“: „Н — (и) вдруг С“ (здесь и далее Н — форма прошедшего несовершенного, С — прошедшего совершенного), „Н — как вдруг С“ и т. п. Ср. в чешском: „Н — náhle (najednou) С“, „Н — a tu náhle С“ и т. п.

2. „Длительность — сменяющее ее наступление факта (без оттенка внезапности)“: „Н — (и) потом С“, „Н — и вот тут-то С“, „Н — и С“ (в сложно-сочиненном предложении и в предложении с однородными сказуемыми), „Н — С“ (в группировке самостоятельных предложений) и т. п. Ср. в чешском: „Н — a rak С“, „Н — a С“, „Н — teď С“ и т. п.

3. „Длительность (попытка) — прерывающее ее наступление факта“: „уже Н — но (тут) С“, „уже Н — как вдруг С“, „уже Н — когда С“, „Н было — но С“, „Н было — как вдруг С“, „только что Н — как С“, „хотел + инфинитив — но С“, „(уже) собирался + инфинитив — как вдруг С“ и т. п. Ср. в чешском: „Н již — ale С“ и т. п.

4. „Длительность — наступление факта в один из ее моментов“: „Н — когда С“, когда Н — С“, „в то время как Н — С“, „пока Н — С“, „Н — a С“ и т. п. Ср. в чешском: „(právě) když Н — С“, „(právě) Н — když С“ и т. п.

5. „Длительность — завершающее ее наступление факта“: „Н — (и) наконец С“, „Н=Н — (да) и С“ и т. п. Ср. в чешском: „Н — až С“, „Н — a С“ и т. п.

6. „Длительность — наступление факта как предел длительности“: „Н — пока (покуда) не С“ и т. п.

Тип аспектуального контекста „наступление факта — длительность“ реализуется в следующих разновидностях.

1. „Наступление факта — непосредственно следующая за ним длительность“: „едва С — как (уж) Н“, „С — и (долго, несколько мгновений и т. п.) Н“ (в сложносочиненном предложении или в предложении с однородными сказуемыми), „С — Н“ (в тех же типах предложений, а также в группировке самостоятельных предложений) и т. п.

2. „Наступление факта — длительность, следующая через известный промежуток времени“: „С — и скоро (или после, час спустя, через год и т. п.) Н“

3. „Наступление факта — длительность, охватывающая более широкий отрезок времени (до наступления факта и после него): „когда С — еще Н“, „когда С — уже Н“, „С — когда Н“, „(уже) С — а всё Н“ и т. п.

Говоря о типе контекста „наступление факта — длительность“ в чешском языке, следует отметить регулярность конструкции „С — а Н“, представленной однородными сказуемыми (*obrátíl se a odcházel, skončil a čistil* и т. п.).

В упомянутых выше типах контекста характеристика протекания действий включает в себя временные отношения (одновременность, последовательность). Разумеется, характер протекания действий далеко не исчерпывается этими чисто хронологическими отношениями, но их роль в рассматриваемых нами типах контекста весьма существенна. Отсюда следует, что аспектуальность здесь (как, впрочем, и в других отношениях) тесно связана с темпоральностью. Поэтому, может быть, следовало бы говорить о „типах аспектуально-темпорального контекста“.

Определенные типы соотношений действий связаны и с модальным планом и модальными оттенками — ср. такой тип контекста, как „длительность (попытка) — прерывающее ее наступление факта“. Отсюда вытекает необходимость учитывать связь аспектуально-темпоральных отношений с категорией модальности.

Почему мы говорим именно об аспектуальности и темпоральности как элементах структуры предложения, а не о виде и времени или видо-временных отношениях? Вид и время — морфологические категории. Рассматриваемая же нами характеристика протекания групп действий создается не морфологическими категориями самими по себе, а в результате определенных сочетаний глагольных форм друг с другом и с иными элементами контекста — синтаксическими и лексическими. Когда речь идет о структуре предложения, то участвующие в ней морфологические элементы уже не представляют морфологического уровня, а выступают на уровне синтаксическом. Вместе с тем семантика вида и времени становится частью сложных семантических комплексов, выражаемых взаимодействующими друг с другом морфологическими, синтаксическими и лексическими элементами контекста. С точки зрения выполняемой в речи функции эти комплексы выходят и за рамки синтаксического уровня и представляют то, что можно было бы назвать планом „универсально-семантическим“ или „универсально-функциональным“. Именно к этому плану и относятся интересующие нас понятийные категории аспектуальности и темпоральности.

Термин „видо-временные отношения“ неудовлетворителен уже потому,

что называемые таким образом значения не совпадают с грамматическими значениями вида и времени. Так, в конструкции типа „С — и (долго) Н“ отношение предшествования и следования не есть проявление инвариантных грамматических значений выступающих здесь форм прошедшего времени (ср. „сел и рассматривал“ и „сядет и будет рассматривать“). Значения „наступление факта“ и „длительность“ не совпадают со значениями совершенного и несовершенного видов (неделимая целостность действия — отсутствие указания на целостность), хотя и связаны с ними.

Изучение аспектуальности и темпоральности как элементов структуры предложения тесно связано с проблематикой сочетаемости. В синтагматическом плане между формами вида и времени, а также другими компонентами „аспектуально-темпорального контекста“ устанавливаются отношения более или менее сильной зависимости. Одна форма может требовать появления другой. Такое требование может быть обязательным или факультативным. В определенных условиях возможна „свободная сочетаемость“ с различными формами. Важно исследовать не только зависимость одной глагольной формы от другой, но и зависимость данной формы от неглагольных „узлов“ контекста.

Рассматриваемый нами вопрос находится на стыке ряда проблем, в частности проблемы понятийных категорий, проблемы контекста и сочетаемости. Изучение этого вопроса требует скрещения и взаимодействия различных направлений и методов исследования. Так, необходимо использовать элементы анализа по позициям и по семантическим признакам, элементы дистрибутивного анализа.